

КАМИЛА ЛЕВИТАН

PEOPLE
COFFEE
SUCCESS

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
КОФЕ

ИДЕИ
ЛЮДИ
ИМПЕРИИ

БОЛЬШИЕ
ЛЮДИ
НАЧИНАЮТ
С КОФЕ

ХОРОШИЙ
КОФЕ
ДЕЛАЕТ
СИЛЬНЫХ
ЖЕНЩИН

ДОЛЯ
В КОМПАНИИ

КОНТРАКТ

Развод С ПРЕДАТЕЛЕМ.

Я ЗАБЕРУ СВОЮ
КОФЕЙНУЮ ИМПЕРИЮ!

СТРАТЕГИЯ
РАЗВИТИЕ
СВОБОДА

Камила Левитан

Развод с предателем. Я заберу свою кофейную империю!

<https://litres.ru/74620362>

SelfPub; 2026

Аннотация

На годовщине нашей кофейной империи я увидела, как муж делит один бокал с молодой любовницей. А на следующий день обнаружила документы, по которым должна отдать ему бизнес и пять лет не приближаться к ресторанному делу!

Десять лет я строила сеть кофеен. А теперь Глеб решил заменить меня новой пассией, забрать миллионы и выставить сумасшедшей.

Но он кое-что забыл.

Я знаю каждую цифру в нашей бухгалтерии. И прекрасно вижу, куда исчезают деньги!

Теперь против меня муж, любовница и влиятельные инвесторы. Даже мужчина, предложивший помощь, ведёт собственную игру.

Ну что, дорогой? Ты хотел развод? Получишь! Только кофейная империя останется моей!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Камила Левитан

Развод с предателем.

Я заберу свою кофейную империю!

Глава 1

В зале «Кофе и Шелк» перекрикивали музыку, чокались и спрашивали, когда откроется следующая точка. На годовщину мы позвали инвесторов, деловых журналистов, команду и блогеров. Последние протискивались к бару с лампами: лица на их экранах светились, а бариста за ними можно было не заметить. Я попросила одного опустить лампу. Он послушался и тут же поднял снова, когда отвернулась. Стоя у бара, я высматривала официанта с водой: после приветственной речи пересохло в горле. Каблуки вязли в мягком ковре. Глеб был рядом. Одной рукой он обнимал за плечи крупного клиента, другой придерживал меня за талию. Если фотограф заходил слева, муж подтягивал меня поближе. Я знала этот нажим через ткань платья и обычно сама поворачивалась нужным боком: так были видны наши лица и логотип между нами.

Официант прошел мимо. Я уже подняла руку, чтобы окликнуть его, и остановилась.

У стойки Вика, наш новый бренд-менеджер, поправляла прядь волос. Глеб сделал шаг назад, якобы чтобы взять салфетку, даже не посмотрев, есть ли там салфетки. Он поднес свой бокал к губам, сделал короткий глоток шампанского, оставив на стекле влажный след своих губ, и тут же протянул этот бокал Вике. Она взяла его без слов. Ни «спасибо», ни вопроса — поднесла к губам, пока Глеб еще держал ножку. Она прижалась губами к тому самому месту, где только что был рот моего мужа.

Меня замутило. Шампанского я еще не пила. Виски застучали, музыка вдруг стала невыносимо громкой. Пальцы прижали застежку сумки к ладони. Застежка больно врезалась в кожу; я ослабила хватку, потом сжала опять. Между нами ходили официанты. Один спросил, не принести ли мне канапе. Я смотрела на его поднос и никак не могла сообразить, что ответить. Хотелось закричать, бросить сумку в лицо этой наглой девчонке, схватить Глеба за воротник пиджака и спросить: «Ты думаешь, я слепая?» Я даже сделала шаг к нему, но официант оказался на пути. Рядом засмеялся наш партнер. Я повернулась к нему и тоже рассмеялась, хотя не слышала шуток. Смех закончился раньше, чем у остальных, и партнер недоуменно посмотрел на меня. — Простите, горло, — сказала я. Какое горло? Нужно было что-нибудь проще: жарко, душно, устала. Я опустила глаза на сумку и стала

разглаживать ремешок.

Вика подошла ко мне. Она улыбалась мне так же, как франчайзи перед подписанием договора: широко, терпеливо, пока человек не улыбнется в ответ. — Блестящий вечер, Алиса, — пропела она, поправляя прядь каштановых волос. Она придвинулась так близко, что волосы коснулись моего предплечья, и запах ударил в ноздри. Древесный запах я узнала сразу. Флаконт Глеба стоял у нас на полке в ванной, я сама привезла его из поездки. На Викиных волосах он был едва слышен, и от этого хотелось наклониться еще ближе, проверить. До чего унижительно — принюхиваться к чужой голове на своем празднике. Вика смотрела мне в лицо, не отступая. Я стиснула ремешок сумки: только бы не дать ей увидеть, как дрожат пальцы.

Смотрела ей в глаза и старалась вспомнить, что мы обсуждали днем. Петербург. Сроки. Таблица у нее до сих пор пустая. Хорошо, об этом я смогу спросить, не сорвавшись. — Вика, планы на следующий квартал по расширению франшизы в Питере готовы? Мне нужны цифры до понедельника, а не комплименты. И проверь, чтобы бариста не путали рецепты спешелти-кофе. Клиенты жалуются на горечь в эспрессо. Вика перестала улыбаться. Убрала волосы за плечо и отступила как раз на ту дистанцию, которую следовало держать с самого начала. — Да, конечно. Все будет сделано.

Глеб заметил эту перемену. Стоило мне перестать улыбаться, он тут же оказывался рядом — даже если минуту на-

зад был занят важнейшим разговором. Он подошел, обнимая меня крепче, чем обычно. Его губы коснулись моего уха, дыхание горячее, чем должно быть. — Ты сегодня невероятная, Люсень. Твоя речь про стабильность рынка просто золото. Почему такая напряженная? Тебе нужно расслабиться. От его губ у уха я дернула плечом. Еще утром могла сама попросить его обнять меня, пока застегивала серьгу перед зеркалом. Теперь смотрела на кончик его большого пальца у моего платья и хотела, чтобы он убрал руку. «Люсень» — так он звал меня, когда ему нужно было мое хорошее настроение. Для остальных я была Алисой.

Сняла его руку со своей талии и на секунду переплела наши пальцы. Со стороны это могло выглядеть нежностью. Но снова обнять меня я ему не дала. — Мне нужно проверить бар, Глеб. Там проблемы с поставками молока. Извини, я ненадолго. На пути к кухне оглянулась. Глеб стоял там же, без бокала, и проводил ладонью по щеке. Вика что-то говорила ему, но он смотрел на меня. Я повернула за стойку прежде, чем он успел подойти.

Толкнула дверь подсобки плечом и закрыла за собой. Музыка сразу стихла. В полумраке кухни пахло свежемолотым кофе и сыростью. Сердце колотилось так, что ребра болели. Я прислонилась спиной к холодильнику, закрыв глаза. Нужно было пять минут тишины, чтобы собрать себя воедино. Чтобы не расплакаться.

Резкий звон стекла заставил вздрогнуть. Бариста, моло-

дой парень по имени Денис, случайно смахнул локтем поднос с бокалами. Они разбились в мелкую крошку. Шум привлек внимание нескольких гостей, стоявших у входа в кухню. — Ой, простите! Простите! — запричитал Денис, краснея до корней волос. Открыла глаза. Над мойкой висело зеркало; я поправила в нем выбившуюся прядь. Помада на месте, тушь тоже. Денис смотрел на осколки, и мне хотелось присесть рядом с ним, закрыть лицо и больше никуда не выходить. — Не руками, Денис. Возьми щетку, — сказала я и подала ему совок. Пока он подметал, я промокнула ладони бумажным полотенцем. Потом еще одним: они никак не высыхали. На выходе из кухни задержалась у бара. Бокал, который Вика поставила на стойку, все еще был там, с красным следом на краю. Я попросила бармена пока его не убирать. Он кивнул, решив, что гостя вернется за своим напитком. До микрофона оставалось десять шагов. Я сосчитала их, чтобы не думать о том, что придется стоять рядом с Глебом.

Вернулся ведущий вечера, местный шоумен, которого мы наняли для атмосферы. — А теперь, дорогие гости! Слово нашим основателям! Говорят, что бизнес строится на цифрах, но мы знаем правду: он строится на доверии. Глеб и Алиса, скажите нам, что значит для вас слово «партнерство»? Аплодисменты. Свет софитов ударил в лицо, ослепляя. Глеб взял микрофон первым и протянул ко мне свободную руку. Я встала рядом, но ладонь ему не дала. Он задержал ее в воздухе, затем повернулся к залу. — Доверие

— это фундамент. Без него нет дома, нет бизнеса, нет семьи. Мы прошли через многое, но мы всегда вместе. Верно, любимая? Он повернулся ко мне, ожидая реплики. Камеры журналистов были направлены на нас. Соцсети уже стримили момент. Человек с камерой придвинулся, ловя мой ответ. Если сейчас скажу «да», Глеб обнимет меня, зал захлопает и снимок разойдется по всем нашим страницам. А если начну выяснять отношения, на снимке останется жена с перекошенным лицом. Наши цифры никого уже не интересуют.

Я взяла микрофон. Посмотрела прямо в объектив главной камеры, игнорируя Глеба. — Доверие — это валюта, которую нельзя тратить впустую, — произнесла я четко, без интонаций любви. — Если ты инвестируешь в неверный проект, ты теряешь всё. Мы учимся ценить каждый вклад. Каждый. Тишина в зале стала густой. Кто-то нервно засмеялся. Глеб нахмурился, потом улыбнулся залу и похлопал первым. Его ладони заглушили тишину, но на меня он больше не смотрел.

После речи он догнал меня у бара. Встал так, чтобы я не прошла к гардеробу, и улыбнулся: рядом все еще снимали. Он взял у официанта свежий бокал шампанского и протянул мне. — За наше общее будущее, Алиса. Выпей со мной. Он покачал бокалом у меня перед лицом. Я смотрела на пузырьки: они поднимались со дна, исчезали, снова поднимались. Глеб привык, что после тоста я обязательно делаю глоток. Потом он целует меня в висок. Маленький номер, ни разу за вечер не подводивший нас. Я не взяла бокал из его рук.

Вместо этого я отвернулась к ведру со льдом, стоявшему на барной стойке, достала оттуда бутылку, взяла чистый бокал и налила себе шампанское сама. Звук шипящего газа показался мне громким. — Я умею обслуживать себя сама, Глеб. В этом и суть независимости. Он опустил бокал и поставил его на стойку чуть сильнее, чем нужно. Бармен поднял глаза. Я сделала глоток из своего и попросила воды: он как раз вспомнил, где стоят стаканы.

У гардероба образовалась очередь. Кто-то махал мне пальто, кто-то обещал позвонить утром; кивать в ответ оказалось легче, чем разговаривать. Я видела, как Глеб и Вика перешептываются в углу, затем оба направляются к VIP-зоне, за плотные шторы. «Закрытое обсуждение стратегии», — гласила табличка на двери. Мне хотелось услышать хотя бы слово из-за штор. Обо мне? О них? Или они действительно обсуждают работу, а я уже придумываю худшее? Желание ворваться туда, разнести мебель, кричать, бить — было таким сильным, что сводило челюсти. Но я осталась на месте.

Я подошла к стойке, где ранее стоял тот первый бокал. Он был забыт Викторией, когда она убежала за Глебом. Бармен сдвинул его подальше от других, как я просила. Я осмотрелась. Никто не смотрел на меня. Все были заняты своими телефонами и последними бокалами вина. Я взяла бокал за ножку. Пришлось переставить его из одной руки в другую: застежка сумки заела именно сейчас, конечно же. На краю еще держался след Викиной помады. Обернув ножку чистой

салфеткой, я спрятала бокал в сумку, между блокнотом и ключами от машины. Он ничего не доказывал. Я понимала это — и все равно не могла оставить его здесь, чтобы утром бармен смыл эту чужую близость горячей водой.

Я вышла на улицу. Москва встретила меня ноябрьской сыростью и ветром, пробивающим до костей. Такси ждало у бордюра. Я села внутрь, захлопнула дверь, отрезая шум города. Водитель включил печку. Я придерживала сумку на коленях, чтобы бокал не треснул на повороте. Глебу еще предстояло вернуться домой. Я попробовала вслух произнести его имя — и поняла, что обычного «как прошел вечер?» сегодня не получится.

Глава 2

Глеб вернулся позже меня. Когда я потянулась к нему, чтобы помочь снять пальто, он отстранился, сославшись на мигрень после фуршета. От воротника пахло шампанским и Викиными духами. Я осталась с его шарфом в руках. Обычно после таких вечеров он жаловался на ноги, я — на каблуки, мы ели что-нибудь прямо у холодильника. Теперь он сказал про мигрень, не спросив, как я добралась. Я повесила шарф на крючок, хотя раньше убрала бы в шкаф: он терпеть не мог мятую шерсть.

— Отдыхай, — сказала я ровно.

Он скрылся в ванной. За дверью зашумела вода. Пока он моется, можно задать себе вопрос, который я весь вечер откладывала: что еще он от меня прячет? На тумбочке лежал его телефон. Экран то загорался, то гас. Когда-то этот звук заставлял меня ворчать: кто еще пишет ему ночью? Теперь я ждала, когда засветится снова, и пыталась рассмотреть имя. Раньше мы делили пароли. «1988» — год моего рождения. Он сам вбил этот код, когда купил телефон. «Чтоб ты не забывала», — сказал, поддразнивая меня. Пароль к своему я тоже не прятала. Я даже успела обрадоваться, что экран просит всего четыре цифры.

Телефон лежал неудобно, на самом краю тумбочки. Я подхватила его снизу и села на кровать. В ванной продолжа-

ла литься вода. Глебу было достаточно открыть дверь, и он увидел бы меня со своим телефоном; от этой мысли большой палец никак не попадал в нужную цифру. Пришлось вытереть ладонь о халат.

Я попробовала наш общий код. Ошибка. Дату знакомства. Ошибка. Потом — цифры Викиного года рождения, которые она называла вскользь на корпоративе.

Экран разблокировался с тихим щелчком.

В галерее были счета, машины и наша кошка, снятая когда-то с забавным фильтром. Чат с Викой оказался пустым. Я открыла его еще раз: аватарка была, сообщений не было. Что он успел удалить, я не знала. Пока копалась в меню, вода в ванной стихла на секунду; я чуть не выронила телефон. В списке недавних приложений были «Заметки». Я открыла их; значок облака рядом с заголовком показывал, что записи синхронизируются.

Я пролистала вниз. Там лежал файл, созданный три дня назад. Заголовок гласил: «Проект соглашения о разделе имущества_черновик_v2».

Первый абзац перечитала трижды. Муж, жена, соглашение, компенсация. Глеб говорил, что у него мигрень. А здесь кто-то уже подсчитал, сколько стоит избавиться от меня. Он предлагал мне «компенсацию» деньгами. Сумма была приличной, если бы я не знала реальной стоимости бизнеса. Но самое главное было в пункте 4.2: «Алиса обязуется воздержаться от ведения деятельности в сфере общественного пи-

тания на территории Москвы сроком на 5 лет».

Пять лет. Я прочла срок еще раз и посчитала на пальцах, сколько точек можно открыть за пять лет. Сколько успеют забыть мои поставщики, если я перестану звонить. За компенсацию мне предлагали сидеть дома и смотреть, как Глеб делает мою работу. А его доля после моего ухода становилась контрольной. Вика получала бонусы как бренд-менеджер нового холдинга, куда собирались перевести наши кофейни.

Вода в ванной прекратилась. Заскрипела дверь.

Я не успела закрыть приложение. Глеб вышел, вытирая полотенцем шею. Его взгляд упал на светящийся экран телефона в моих руках, и он остановился с полотенцем у шеи.

— Что ты делаешь? — его голос сорвался на визг.

Он метнулся к кровати, выхватывая телефон из моих рук так грубо, что я ударилась ладонями о простыню.

— Ты совсем съехала с катушек! — рявкнул он, тыча в меня пальцем. — Паранойя! Ты полезла в мои личные вещи! Знаешь ли ты, что это уголовно наказуемо? Вторжение в частную жизнь!

Я сидела на краю кровати, выпрямив спину. Ладони горели от рывка. Я положила их на колени, чтобы он не видел, как я растираю пальцы. Телефон уже был у него, зато пункт 4.2 я успела запомнить.

— Почему в соглашении пункт о запрете мне работать в общепите? — спросила я тихо.

Глеб ткнул в экран, закрывая файл. Замахнулся было еще

одним «ты», но осекся. На слово «общепит» он посмотрел на меня, а не на телефон.

— Это... это просто черновики юриста, — выдавил он, отводя глаза. — Страховка. На всякий случай. Ты преувеличиваешь, Алиса. Иди спать.

Он развернулся и бросил полотенце на кровать, прямо рядом со мной. Я поднялась, поправила пояс халата и подошла к окну. Улица внизу плыла потоками света и машин.

Я достала из кармана халата блокнот и ручку. Села в кресло у окна, спиной к нему.

Глеб ходил от кровати к двери и обратно. На третьем круге наткнулся ногой на мои тапки и пнул их под кровать. Я хотела привычно сказать: «Не швыряй, подниму», — но осталась сидеть. Начала записывать цифры. Если отвлекусь на тапки, потом вспомню именно их, а не сумму.

— Алиса, давай обсудим это спокойно, — сказал он, подходя ближе. Теперь он говорил так, как разговаривал со мной после ссор: помедленнее, почти нараспев. Он попытался обнять меня со спины, положив руки на мои плечи.

Я подалась вперед и сдвинула кресло. Его ладони соскользнули с моих плеч.

— Ты думаешь, я не заметила, как ты передавал ей свой бокал? — произнесла я, не оборачиваясь. Смотрела на свое отражение в темном стекле окна. Из-за темноты снаружи в стекле отражалось кресло, мой халат и Глеб у меня за спиной. Мне хотелось, чтобы он отступил дальше.

Глеб отдернул руки, будто обжегся.

— При чем тут бокал? Мы говорим о документах, о том, что ты нарушаешь границы!

— Артур знает об этом черновике? — спросила я, повернувшись. Его имя было в списке будущих партнеров. Я успела прочесть список, но еще не понимала, на чьей он стороне.

Глеб перестал ходить. Артур вошел в капитал недавно, и муж все еще считал переговоры с ним своей территорией. Я занималась кофейнями, он — инвесторами. Очень удобное разделение, когда собираешься оставить жену без ее кофеен.

— Артур? — переспросил он шепотом. — Ты... ты с ума сошла. Вика просто новый сотрудник. Она амбициозная. Это бизнес.

— Это попытка забрать у меня дело, Глеб. Ты видел пункт про пять лет? Что, по-твоему, я должна делать эти пять лет? Он отвел глаза. — Не драматизируй. Суммы еще обсуждаются. — Без меня. Мои суммы и моя работа — без меня.

Глеб присел на край кровати, прямо на брошенное полотенце. Край намокшей ткани свисал до пола. Я перевернула страницу блокнота, чтобы он не увидел, как криво записаны цифры. Ни опыт, ни моя должность не помогали спокойно слушать, сколько за меня обещали заплатить.

Он открыл рот, закрыл и потер переносицу. Очень хотелось подсказать ему начало фразы — я столько раз делала это на переговорах. Теперь дождусь, пока справится сам. Он теребил угол полотенца и молчал. Теперь я хотя бы знала, о

чем спрашивать: кто составил черновик, кто его согласовал и почему мое согласие оставили напоследок.

— Ложись спать, Алиса, — буркнул он, отходя к своей стороне кровати. Но голос дрогнул.

Ручка перестала писать: я так сильно давила, что кончик продавил бумагу. Выдвинула стержень еще раз и провела черту под цифрами. Потом закрыла блокнот.

— Спокойной ночи, партнер, — ответила я.

Глеб натянул одеяло до подбородка, отвернувшись к стене. Под одеялом остро выступало его плечо. На его тумбочке засветился телефон. Глеб вытянул руку из-под одеяла и накрыл экран. Ненадолго, но я заметила.

В темноте я снова раскрыла блокнот. Прикусила щеку и почувствовала вкус крови. Сумка с бокалом осталась в прихожей. Утром я уберу его в коробку; сейчас важнее записать по памяти пункт 4.2 и цифры компенсации. Пока не начала убеждать себя, что прочла что-то неправильно.

Ревность никуда не делась. Но теперь рядом с ней были цифры, и с цифрами я умела работать. Первое, что нужно утром, — адвокат. Не приятель мужа, которого мы звали на открытия, а человек, которому можно показать этот пункт. Потом надо сохранить документы. Я дописала рядом с суммой знак вопроса: откуда они ее взяли? Собственную долю я не собиралась оценивать по памяти после бессонной ночи.

За окном прогудела машина. Глеб лежал неподвижно; я не знала, спит он или прислушивается к скрипу моей руч-

ки. Последней строкой записала: «Ничего не подписывать». Подчеркнула дважды и оставила блокнот у себя под подушкой.

Глава 3

Кофе на заседание принесла наша же точка. Обычно я спрашивала, кто сегодня на смене, и хвалила обжарку. Теперь чашка остывала у моего локтя, а я держала ладони под столом, на коленях. На тридцать втором этаже даже в пасмурный день было слишком светло: Глеб щурился у окна. Я ждала, когда он сядет и даст открыть отчет. Он дождался, пока секретарь закроет дверь, и повернулся к столу.

— Коллеги, — начал он, приложив два пальца к спинке своего кресла. На фуршете этими же пальцами придерживал бокал, который передал Вике. — Мы все видели Алису на фуршете. Нервный срыв. Она плакала в дамской комнате, отказывалась общаться с партнерами. Для сети премиум-класса это репутационный риск. Я предлагаю временно отстранить ее от операционного управления финансами до восстановления эмоционального баланса.

Никто даже не спросил, кто видел мои слезы. Я-то знала: из подсобки вышла с сухими глазами. Директор по маркетингу, Дима, мой давний друг, которого я наняла еще со студенческой скамьи, отвел глаза. Он загнул уголок страницы. Я поймала себя на том, что жду от него хотя бы «подождите». Мы десять лет работали вместе. Дима разогнул уголок и снова загнул — ни слова.

— Дима подтвердит, что последние квартальные отчеты

готовились с задержкой из-за «состояния» операционного директора, — продолжил Глеб, улыбаясь уголками рта. — Это не злой умысел, просто перегруз.

Я придвинула к себе чашку, чтобы не смотреть на Диму. «Восстановление». Значит, пока я буду дома, Вика получит доступ к моим отчетам, а Глеб — возможность согласовывать все без моих вопросов. Я должна была говорить сейчас, до голосования.

Раскрыла папку на нужной закладке. Я разложила листы в таком порядке еще дома, в два часа ночи; теперь было страшно перепутать их при всех. Распечатки скользнули по лаку к его локтю.

— Что это? — спросил Глеб, не отнимая руки от спинки кресла.

— Транзакции за последний месяц, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить ровно, сквозь ком в горле. — Здесь видно, как с расчетного счета компании были переведены средства на счет ООО «Аврора». Сумма совпадает с затратами на тот самый фуршет, который ты называешь «мероприятием для команды». Но по уставу компании любые расходы свыше ста тысяч требуют моей подписи. Ее там нет. Зато есть подпись Вики, которая была утверждена тобой единолично, нарушая регламент.

Глеб перестал улыбаться. Дима поднял голову и потянул к себе верхний лист. Все-таки начал читать.

Вика подвинула стул к столу. Ткань ее жакета не смина-

лась даже на локтях, и я зачем-то заметила, что из рукава торчит бирка химчистки. Хотелось сказать ей об этом, как я сказала бы вчера. Вчера у нас еще могли быть такие разговоры.

— Алиса, давай не будем мелочиться. Цифры можно объяснить. Давай лучше обсудим план спасения бренда. У нас падает трафик в спальных районах. Я подготовила стратегию ребрендинга, которая требует концентрации ресурсов в одних руках. И, честно говоря, твоих рук сейчас быть не должно.

На последней фразе она обвела взглядом стол. До меня очередь не дошла. Глеб кивнул — единственный, кому не пришлось просить слова.

— Поддерживаю Вику, — сказал он. — Ее видение свежее. А ты, Алиса, слишком привязана к старым методам. Удали свои записи диктофона с сегодняшнего собрания. Это незаконная запись.

Мне даже удалось улыбнуться. Я еще не успела достать телефон. Глеб сам подсказал, чего боится; отрицать запись я не собиралась.

— Если ты хочешь проверить мои карманы, Глеб, сделай это официально. Но знай: если я уйду в отпуск сегодня, завтра же я инициирую проверку всех тендеров последних трех лет. Включая те, где фигурирует имя Вики. И те договоренности о «перекрое доли», которые вы обсуждали в переписке. Я читала черновики. И помню не только заголовок.

У председателя завибрировал телефон. Он посмотрел на экран и выключил звук. Вика поджала губы; Глеб все еще стоял, и мне было неудобно задирать голову, но я ее не опускала. Вика потянулась к своей папке, затем убрала руку. Я оставила распечатки на середине стола, где каждый мог до них дотянуться.

За столом заговорили вполголоса. До меня долетело «зачем при всех» и следом «нервы, конечно». Кто-то сочувственно вздохнул, повернувшись к Глебу. С выписками я могла спорить. С этим вздохом — как? Показать ему дату, подпись, сумму? Секретарь уже несла мне протокол, пока мои распечатки лежали в середине стола. Подошла ближе и протянула ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.